

Раздел 3. ЛИНГВОЭКСПЕРТОЛОГИЯ

Теоретическая экспертология

УДК 81'33

М.В. Аблин

КОСВЕННЫЕ ПРИЗЫВЫ В СОВРЕМЕННЫХ ИДЕОЛОГО-РЕЛИГИОЗНЫХ ТЕКСТАХ РАЗНЫХ ЖАНРОВ

M.V. Ablin

INDIRECT CALLS IN MODERN IDEOLOGICAL AND RELIGIOUS TEXTS OF VARIOUS GENRES

В статье рассмотрены понятия косвенного и скрытого призыва применительно к текстам идеолого-религиозного содержания, отмечены возникающие в ходе судебной лингвистической экспертизы проблемы, связанные с процедурой квалификации косвенных призывов.

The article discusses the concept of indirect and implicit appeal in relation to the texts of the ideological and religious content, problems are marked which arise during the judicial linguistic examination associated with the procedure of qualification of indirect appeals.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, комплексная экспертиза, косвенный призыв, идеолого-религиозный текст, экстремизм.

Keywords: linguistic expertise, comprehensive examination, indirect call, ideological and religious text, extremism.

При проведении судебной лингвистической экспертизы часто осуществляется поиск соответствующих призывов (прямых и косвенных) к определенной (экстремистской) деятельности. По мнению Т.В. Губаевой, экстремизм представляет собой определенную систему противоправных деяний, запрещаемых федеральным законом, это так называемые словесные составы, их общий признак – противоправное использование слова и/или сопутствующих ему неязыковых знаков (изображений, жестов) в целях внедрения в сознание деструктивных идей и психологических установок [Губаева, 2006]. В современной юрислингвистике речевой акт призыва рассмотрен в работах А.Н. Баранова, К.И. Бринева, Л.А. Араевой и М.А. Осадчего (выявили признаки косвенного и скрытого призывов), призыв с позиций генристической лингвистики подробно исследован Е.А. Яковлевой. И если выявление прямых призывов обычно не вызывает затруднений, то идентификация косвенных и особенно скрытых призывов требует более тщательного анализа исследуемого текста.

В названии нашей работы использован термин «*идеолого-религиозный*». Поясним, что мы понимаем под идеолого-религиозными текстами разных жанров. Обратимся к словарям для определения лексического значения слов «*религия*», «*религиозный*» и «*идеология*», «*идеологический*».

Идеология. Система взглядов, идей, характеризующих какую-н. социальную группу, класс, политическую партию, общество. Идеолог – выразитель и защитник идеологии какой-н. общественной группы, класса, общественно-политического строя, движения и т.п. Идеологический – относящийся к идеологии [Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов, 2010, с. 288].

Религиозный. 1. Только полн. к Религия. 2. Приверженный религии, верующий в Бога.

Религия. 1. Одна из форм общественного сознания; совокупность духовных представлений, основывающихся на вере в сверхъестественные силы и существа (богов,

духов), которые являются предметом поклонения. 2. С опр. Та или иная вера; вероисповедание [Большой толковый словарь русского языка, 2000, с. 1116].

Мы считаем, что понятие *идеолого-религиозный текст* отличается от просто *религиозный*. К первым относятся тексты, в которых присутствуют религиозные включения (например, цитаты из религиозных источников), но основную часть которых составляет изложение какой-либо идеологии (системы политических взглядов, идей, в частности, определенной исламской политической партии). Категория жанра произведения также влияет на методику квалификации призыва. Так, методика будет различаться при анализе листовки, объемного историко-религиозного опуса или периодического издания (журнала) соответствующей тематики. Мы придерживаемся бахтинского определения жанра, в соответствии с которым жанры – это определенные, относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний [Бахтин, 1996].

Теперь перейдем к рассмотрению понятий «*призыв*», «*прямой призыв*», «*косвенный призыв*». *Призыв* – это речевой акт, обращенный к адресату с целью побудить его выполнить некоторое действие или совокупность действий, осмысляемых как важная часть общественно-значимой деятельности, способствующей достижению некоторых идеалов, или побудить адресата учитывать в своем повседневном поведении эти идеалы, причем говорящий и адресат являются политическими субъектами или их представителями, а сам речевой акт рассматривается как часть общественно-политической коммуникации [Баранов, 2011, с. 420].

Прямой призыв – это наиболее радикальная и открытая форма словесного воздействия на поведение человека. С лингвистической точки зрения, призывом является словесная конструкция, содержащая глагол в форме повелительного наклонения или эквивалентных данному наклонению форм (*Поборемся! Избавим! Пошли! Встали!*). Обязательным компонентом призыва является образ адресата речи, – того, кто должен выполнить действия [Осадчий, 2007]. Мы не будем останавливаться на грамматических характеристиках прямого призыва (они подробно рассмотрены в работах А.Н. Баранова, М.А. Осадчего).

Косвенный призыв – форма открытого побуждения без использования форм глагола с побудительным значением [Осадчий, 2007]. А.Н. Баранов определяет его как «*косвенную форму выражения иллюкутивной семантики призыва*» [Баранов, 2011, с. 439]. В таких речевых актах используются слова и компоненты с семантикой долженствования типа «*необходимо*», «*следует*», «*требуется*», «*нужно*». И.А. Кудряшов отмечает, что побуждение, основанное на обязанности воспроизведения выраженного в высказывании действия, передается путем использования моделей со словами «*должен*», «*обязан*», «*следует*», «*надо (нужно)*», «*необходимо*», «*требуется*», «*придется*» в сочетании с инфинитивом и местоимением 2-го лица в дательном падеже [Кудряшов, 2010, с. 118].

Особую сложность для лингвистической экспертизы представляет выявление *скрытого призыва* (часто используемого в экстремистской литературе). Таковым считается призыв, в котором содержится информация, подстрекающая адресата к каким-либо действиям, целенаправленно формирующая у него желание совершить определенное действие. Скрытый призыв нередко передает развернутую программу действий, к которым подстрекает, т.е. автор программирует поведение адресата речи, используя методы речевого манипулирования сознанием, воздействуя на психику, подсознание читателя или слушателя [Осадчий, 2007]. Отметим, что при анализе идеолого-религиозной литературы предположительно экстремистского содержания часто выявляются призывы, имеющие признаки косвенного и скрытого призывов.

В приводимых ниже примерах мы будем использовать следующие условные обозначения: У – всемирное исламское теократическое государство, ЭО (экстремистское

объединение) – политическая партия, ставящая целью своей деятельности возникновение в мире исламского государства Y.

Для квалификации речевого акта как косвенного призыва, необходимо наличие следующих условий:

1. **Субъект призыва.** Он может быть обозначен в тексте явно или имплицитно (образ автора). В нашем случае к определенным действиям призывает организация ЭО.

2. **Адресат (или объект) призыва.** В текстах идеолого-религиозного содержания часто используются обращения (мы имеем в виду примеры с исламскими религиозными компонентами) «*О брат*», «*О мусульмане!*», «*О моджахеды*». В случае отсутствия прямого адресата призыва его можно установить из содержания текста: наличие большого количества специальных религиозных слов, цитат на арабском языке из исламских религиозных источников указывает на потенциального читателя-мусульманина.

3. **Слова с семантикой долженствования** «*нужно*», «*необходимо*», «*следует*», «*требуется*», «*обязан*», «*обязанность*» и т.п.

4. **Программа действий**, на выполнение которой направлен призыв. В анализируемом тексте она может быть представлена полностью или в виде отдельных элементов. Действия, содержащиеся в программе, осмысляются как часть общественно-значимой деятельности, способствующей достижению неких идеалов. Например, цель партии ЭО – установление в мире государства Y. Для достижения этой цели мусульмане призываются к «работе» вместе с группой ЭО: пропагандистская деятельность в немусульманских государствах (странах Запада) и свержение правительств в существующих мусульманских странах.

5. **Выполнимость действий, к которым призывают адресата.** Как и в других высказываниях с императивной семантикой, необходимо наличие ситуации, прямо противоположной той, которая представлена в побудительной речевом акте [Кудряшов, 2010, с. 114].

Рассмотрим критерии выявления косвенных и скрытых призывов на примере текстов исламского идеолого-религиозного содержания, автором которых является группа ЭО (призывы к деятельности ЭО).

А. Субъект призыва.

В идеолого-религиозных текстах разных жанров (листовка, периодическое издание, книга – труд идеолога ЭО), предположительным автором которых является группа ЭО, зачастую может иметься указание на группу ЭО (в выходных данных издания, в тексте произведения). Соответственно, в ситуации, когда ЭО в тексте издания не упоминается, на наш взгляд, лингвист-эксперт может выявить высказывания-призывы, но не может утверждать, что они принадлежат именно ЭО: эксперт не может выходить за пределы лингвистической компетенции (проблема пределов лингвистической компетенции подробно рассмотрена в работе К.И. Бринёва [Бринёв, 2009]). Он также не вправе утверждать, что автор текста является идеологом ЭО. Ответ в экспертизе будет иметь примерно следующий вид: «*В направленных на исследование материалах имеются высказывания, содержащие призывы к мусульманам по восстановлению государства Y. В пределах только лингвистической компетенции не представляется возможным ответить на вопрос, являются ли приведенные высказывания призывами к вовлечению в деятельность организации ЭО*».

Если проводится комплексная лингвистико-религиоведческая экспертиза, проблема решается проще: религиовед оценивает данные призывы с точки зрения их содержания и утвердительно или отрицательно отвечает на вопрос о принадлежности данных призывов партии ЭО. Выходом из сложного положения может быть и другая формулировка вопроса, задаваемого лингвисту-эксперту: «*Содержатся ли в представленных на исследование материалах высказывания, в которых содержатся призывы к деятельности по восстановлению (установлению) государства Y?*».

Методика поиска призывов различается в зависимости от жанра произведения: при анализе листовки, печатного периодического издания (журнала), книги историко-религиозного содержания или видеоматериала. Так, при проведении судебной лингвистической экспертизы книги историко-религиозного (исламского) содержания почти всегда требуются специальные (нелингвистические) знания. Лингвист может ошибочно интерпретировать такие специальные слова (из области религиоведения), как «фард», «кафиры», «многобожники». При этом явные призывы (например, «Сражайтесь с неверными!»), приводимые как цитаты из исламских религиозных источников, квалифицируются достаточно легко (по грамматическим показателям: глагол «сражайтесь» в форме 2 л. мн. ч. повелительного наклонения). Мы еще раз утверждаем, что такие тексты необходимо анализировать исключительно в рамках комплексной лингвистико-исторической (религиоведческой, культурологической) экспертизы. Это позволит оценить, в какой степени данное произведение является историческим, представляет ли оно объект культуры или же имеет единственной целью воздействовать на потенциального читателя (формирование у него чувства национальной или межконфессиональной вражды). Лингвисту необходимо обращать внимание на планы повествования произведения: могут быть представлены только план прошлого (исторический, историко-религиозный), план настоящего (проводятся параллели с современным читателю миром) и план будущего. Пересечение данных планов повествования должно сразу насторожить эксперта-лингвиста при анализе литературы, включающей исторические и религиозные элементы.

Б. Адресат (объект) призыва, слова с семантикой долженствования, программа действий, выполнимость действий, к которым побуждается объект.

Сложность вызывает и анализ идеолого-религиозных журналов, например, журнала «Аль-Вафй», некоторые номера которого признаны экстремистскими. Рассмотрим на примере материалов данного периодического издания признаки косвенного призыва к вовлечению в деятельность организации ЭО.

Обращение может быть направлено ко всем мусульманам. В анализируемых текстах часто используется личное местоимение «мы», одно из значений которого подразумевает включение в число действующих лиц как автора (идеолога ЭО), так и читателя-мусульманина. В данных высказываниях имеется показатель косвенного призыва – слово с семантикой долженствования «должны»:

«...мы должны отвергнуть любой сепаратизм, в том числе и в форме конфедерации, и работать со всей серьезностью и силой, не теряя времени, для установления власти Ислама – государства Y, которое сохранит единство нашей страны и ее богатства и обрубит хвосты неверным, планирующим раздробить нашу страну»;

«Мы являемся ее [земли Южного Судана] верными хранителями и нельзя отказываться в пользу неверных от пяди исламской земли, покоренной силой, мы должны исполнять на этой земле законы Ислама и защищать на ней власть мусульман, чтобы на ней с величием и гордостью реяло знамя Ислама.

Не только Южный Судан, но все исламские земли, как Палестина, Андалус и другие, захваченные неверными войной или колонизацией, должны быть возвращены мусульманами и присоединены к грядущему государству Ислама – Y».

Призывы обращены не только ко всем мусульманам, но и к отдельным их представителям в Судане (армии, полиции), соблюдается условие призыва – выполнимость действий, к котором побуждается адресат:

«Так неужели среди вас, о офицеры, нет людей, идущих путем истины и держащихся позиции, подобной позиции ансаров? Позиции, о которой мы услышим по радио и телеканалам о том, что “Вооруженные силы и полиция разорвали отношения со светским правящим режимом в Судане и объявили о полном отходе от власти и отмене светской конституции и соглашения в Найваше. Они объявили о своей

готовности защищать исламский *У* и сражаться **под знаменами халифа** мусульман, не боясь сражаться с повстанцами и теми темными международными силами, которые стоят за ними. **Солдаты армии готовы переносить тяготы войны и стойко встречать врагов**”, и может быть *Аллах даст увидеть вам это своими глазами!*». В данном фрагменте текста смешиваются три временных плана повествования (здесь говорится о желаемых для автора событиях): план будущего времени (*мы услышим*), план прошедшего времени (*вооруженные силы и полиция разорвали отношения, объявили об отходе от власти*) и план настоящего времени (*солдаты готовы переносить тяготы войны, стойко встречать врагов*). Такая конструкция создает эффект реальности желаемого поведения представителей армии и полиции, усматриваются и элементы программы действий: разрыв отношений с властью, отход от власти, согласие защищать государство *У* и сражаться под знаменами главы государства *У* (халифа). Выявленные признаки позволяют квалифицировать данный фрагмент как скрытый призыв к силовым структурам Судана, направленный на вовлечение в деятельность по восстановлению государства *У*.

Приведем еще примеры высказываний, содержащих слова с семантикой долженствования и элементы программы действий группы ЭО:

«...необходимо объединить свои усилия с теми, кто работает над избавлением от этих продажных режимов и утверждением Ислама. И мы не говорим: применить его вместо них, поскольку Ислам – это то изначальное, к утверждению которого надлежит стремиться. А также вымести вон эти коррумпированные (порочные) режимы, поддерживаемые западными капиталистами, и дать присягу одному халифу [правителю в государстве У] вместо этих никчемных правителей»;

«Необходимо привести в движение армии и свергнуть правителей арабов, которые оберегают безопасность евреев от моджахедов, ибо исламские армии не смогут ликвидировать еврейское образование под их предводительством. Поэтому нужно свергнуть их и назначить правителя-мусульманина вместо них, который ... объединит армии и направит их для освобождения Палестины от нечисти захватчиков».

Следует отметить сложность квалификации видеоматериалов (видеотекста), особенно изначальными созданных на иностранном языке (также идеолого-религиозного содержания). В лингвистике существует понятие *кинотекста* (как разновидности креолизованного текста) – это связное, цельное и завершенное сообщение, выраженное при помощи вербальных (лингвистических) и невербальных (иконических и / или индексальных) знаков, организованное в соответствии с замыслом коллективного, функционально дифференцированного автора при помощи кинематографических кодов, зафиксированное на материальном носителе и предназначенное для воспроизведения на экране и аудиовизуального восприятия зрителями [Ворошилова, 2007]. В составе кинотекста выделяют три основополагающие кодовые системы: портретную (видеоряд), лингвистическую и звуковую. Лингвистическая система в кинотексте представлена двумя составляющими: письменной (титры и надписи, являющиеся частью мира вещей фильма) и устной (звучащая речь актеров, закадровый текст, песня и т.д.). Нелингвистическая система кинотекста включает звуковую часть (естественные и технические шумы, музыка), видеоряд (образы персонажей, движения персонажей, пейзаж, интерьер, реквизит, спецэффекты). Все указанные элементы особым образом организованы и находятся в неразрывном единстве. Отметим, что при направлении на экспертизу видеоматериала (документального фильма, например) анализу подвергаются только высказывания на русском языке (текст может быть на английском языке, содержать включения на арабском (устные и письменные), сопровождаться закадровым переводом на русский язык или русскими субтитрами). Враждебность на конфессиональной основе в видеофильме можно создать и при помощи нелингвистической составляющей (видеоряд). Например, в фильме изображено угнетенное состояние мусульман в мире, а в финале

имеется лингвистический компонент со скрытым призывом к построению государства Y – средства спасения (решения проблемы, поднимаемой в фильме).

Таким образом, при исследовании в рамках судебной лингвистической экспертизы текстов идеолого-религиозного содержания (на предмет наличия призывов к экстремистской деятельности) могут возникнуть проблемы, среди которых выделим:

1. Необходимость оценки лингвистом религиозного компонента текста: так, авторы часто включают в свой текст примеры из религиозных источников (например, на арабском с переводом на русский) с целью усиления императивности призывов. Сложность состоит в том, что лингвист не может в пределах собственной компетенции устанавливать аутентичность данных цитат, при этом он должен рассматривать данные цитаты (примеры) только как компонент всего исследуемого текста.

2. Наличие большого количества специальных религиозных слов, установить значение которых по обычным нормативным словарям русского языка не представляется возможным (если только оно не приводится в исследуемом тексте). Например, в произведениях выявляются слова «кафиры», «куфр», «куфары», «фард», «мушрик», «джихад», «шахид» и т.п. Может ли в этом случае лингвист-эксперт обращаться к специальным словарям и электронным ресурсам? Мы считаем, что это будет означать выход за пределы лингвистической компетенции, необходимо проводить данные исследования в рамках комплексной экспертизы (с участием культуролога-религиоведа). Лингвист-эксперт может неправильно понять специальный религиозный текст, прийти к не совсем корректным выводам.

3. Отсутствие в отдельных случаях точных формулировок вопросов для экспертов. Прямые призывы (с явным указанием субъекта призыва) редко встречаются, в реальности для ответа на вопрос лингвисту необходимо разбираться в идеологии экстремистской религиозной организации. Как следствие – экспертиза может легко выйти за пределы специальных лингвистических рамок. Решением проблемы, на наш взгляд, является:

- иная формулировка вопроса: например, «Имеются ли в произведении высказывания, направленные на вовлечение в деятельность по восстановлению (установлению) теократического государства Y?». В этом случае лингвисту не придется интерпретировать содержание высказываний с позиций принадлежности к организации ЭО;

- проведение совместного с религиоведом-культурологом исследования (в рамках судебной комплексной экспертизы).

Не всегда удастся правильно квалифицировать и программу действий (компонент призыва) как принадлежащей экстремистской организации: для этого требуются специальные (нелингвистические) знания, тогда как выводы эксперта-лингвиста не могут быть основаны на предположениях.

4. Случаи, когда объектом экспертизы выступают переводные тексты идеолого-религиозного содержания. Переводы на русский язык часто выполняются с пунктуационными ошибками, что не позволяет в полной мере задействовать синтаксический уровень анализа текста.

Вернемся к понятию экстремизма, о котором мы упомянули в начале статьи. Данная категория является не лингвистической, а правовой и политологической. Установить, что текст является экстремистским, может только суд. В формулировки вопросов эксперту нельзя включать слова «экстремизм», «экстремистский», ответ на данные вопросы будет означать выход за пределы лингвистической компетенции. Следует очень осторожно подходить к анализу текстов с религиозными и историческими компонентами. На наш взгляд, данные объекты экспертизы необходимо анализировать в рамках комплексной лингвистико-религиоведческой (или лингвистико-культурологической) экспертизы, иногда к проведению исследования следует подключать и специалистов из других отраслей знания (например, политологии). В нашей статье мы рассмотрели только признаки косвенного и скрытого призывов применительно к

деятельности одной террористической экстремистской организации (мы специально не приводим её официальное название в нашей работе). Проблема квалификации враждебности в текстах с религиозными и историческими элементами требует отдельного рассмотрения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Араева, Л.А., Осадчий, М.А.** Судебно-лингвистическая экспертиза по криминальным проявлениям экстремизма // Уголовный процесс, № 04 (апрель), 2006. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.ugpr.ru/arhiv/16_apr_2006/topic163_sudebno45_lingvisticheskaya_ekspertiza_po_kriminalnym_proyavleniyam_ekstremizma_.html (дата обращения: 26.06.2013).
2. **Баранов, А.Н.** Лингвистическая экспертиза текста : теория и практика : учеб. пособие / А.Н. Баранов. – 3-е изд. - М.: Флинта: Наука, 2011. - 592 с.
3. **Бахтин, М.М.** Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собр. соч. – М.: Русские словари, 1996. – Т.5: Работы 1940-1960 гг. – С.159-206. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_genre.htm#I (дата обращения: 26.06.2013).
4. **Большой толковый словарь русского языка** / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – Спб.: «Норинт», 2000. – 1536 с.
5. **Бринев, К.И.** Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография / К.И. Бринев; под редакцией Н.Д. Голева. – Барнаул : АлтГПА, 2009. – 252 с.
6. **Ворошилова, М.Б.** Креолизованный текст: кинотекст // Политическая лингвистика. - Выпуск (2) 22. - Екатеринбург, 2007. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/voroshilova-07.htm> (дата обращения: 26.06.2013).
7. **Губаева, Т.В.** Судебная экспертиза по делам об экстремизме. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://siberia-expert.com/publ/satti/stati/sudebnaja_ekspertiza_po_delam_ob_ekstremizme_t_v_gubaeva/4-1-0-163 (дата обращения: 26.06.2013).
8. **Крысин, Л.П.** Толковый словарь иноязычных слов / Крысин Л.П. – М. : Эксмо, 2010. – 944 с. – (Библиотека словарей ЭКСМО).
9. **Кудряшов, И.А.** Высказывания с императивной семантикой // Современный русский язык: система языка, речь, общение: Монография. – Ростов н/Д: ПИЮФУ, 2010. – С. 113-124 . - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.ling-expert.ru/wp-content/uploads/2011/08/Modern_Russian_Language_2010.pdf (дата обращения: 26.06.2013).
10. **Осадчий, М.А.** Использование лингвистических познаний в расследовании преступлений, предусмотренных статьей 282 Уголовного кодекса РФ // Право и безопасность. – Номер – 3-4 (24-25), Декабрь 2007. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dpr.ru/pravo/pravo_21_17.htm (дата обращения: 26.06.2013).
11. **Яковлева, Е.А.** Жанроведение, или генристическая лингвистика, как один из методов исследования конфликтных текстов // Юрислингвистика-10: Лингвоконфликтология и юриспруденция : межвузовский сборник научных трудов / под. Ред. Н.Д. Голева и Т.В. Чернышовой. – Кемерово; Барнаул : Изд-во Алт. Унта, 2010. - С. 204-209.